

■ На берегах речушки Сены

29 марта 1920 года, испив несказанную чашу беженских мучений, Бунин со своей невечной супругой Верой Николаевной ступил на тротуары Парижа. Беженцы, замученные ужасами гражданской войны, голодом, большевистским беспределом, с изумлением глядели на спокойные, счастливые лица, чистые улицы, на ослепляющий блеск витрин, поражающих своим изобилием. "Тут словно не было войны, — изумился Бунин. — И повсюду русская речь, знакомые лица!"

И знаменитый остроумец Дон Аминадо ответил: "Тут не плохо, только французов много!"

Казалось бы, живи себе в удовольствие! Ан нет, загадочная российская душа уже начала проявлять свои особенности. Об этом в апреле 1920 года хорошо писала Надежда Тэффи: "...Приезжают наши беженцы, изнеможенные, почерневшие от голода и страха, отъезжают, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут. Тускнеют глаза, опускаются вялые руки, и вянет душа, душа, обращенная на восток."

Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской и умерли смертью здесь... Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда".

И впрямь, тысячи россиян, а вместе с ними и супруги Бунины, горько вздыхали:

— Господи, как скучно на речке Сене! Домой бы...

И спешили в отчий край многие, как в черную пропасть бросались: одни явно, другие, как Василий Шульгин или Борис Савинков, тайно.

■ Чаевые для лакеев

Друзья Бунина тоже ностальгировали. Первыми заговорили о возвращении домой Алексей Толстой и его жена Наталья. Вторил им Куприн.

— Нет, Иван, я ничего здесь не напишу! Я постоянно Россию вспоминаю, ничего другого даже в голову не идет. Какой-то кошмар!

Россиян воротила мелочность абorigенов, сведение жизни к накопительству, удручающей расчуженности.

Бунин заглянул к своему новому приятелю — Якову Борисовичу Полонскому. Рассказал:

— Зашел в кафе, меня позвали к себе за столик соседи-французы, милая такая супружеская пара. Те поели, выпили аперитивчики, утерли уста салфетками и расплатились с гарсоном — каждый по своему счету, даже пурбурар каждый дал отдельно. Господи, какая мелочность! Меня, право, чуть не стошнило.

...Толстые вернулись в Россию первого августа 1923 года.

Куприн сделал это четырнадцатью годами позже.

Бунин вовсе не вернулся, но...

■ Агентурная клчка Бунина

Литературоведы писали о робких "прощупываниях почвы" Буниным в послевоенные годы, дабы съездить в СССР на недельку-другую. Однако Бунин всерьез задумывался о возвращении еще в середине тридцатых, вскоре после получения Нобелевской премии: "Вернуться в сиянии славы!" И даже сделал конкретные шаги к этому: в 1936 году пригласил к себе для важного разговора Алексея Толстого, приехавшего в Париж. Тот обещал, но не пришел. Весной 1941 года отправил в Москву письма Толстому и писателю Н.Д.Телешову, ясно писал: "Очень хочу домой!"

Но теперь выясняется нечто невероятное. Оказывается, Бунин желал последовать по стопам Толстого... в 1924 году. На моем столе лежит послание, датированное именно тем годом и "22 декабря". Документ украшен грифами "Совершенно секретно" и "Без права публикации". Напечатано послание на почтовой бумаге середины 1920-х годов с рекламой автомобильной фирмы "Пежо". Лист, видимо, много раз путешествовал по разным папкам — дырокол оставил на нем десять отверстий. Вот текст:

"Второго декабря мною было отправлено почтой заявление в адрес посольства СССР на имя первого секретаря посольства товарища Волина.

На это заявление я никакого ответа не получил и склонен самое неполучение его рассматривать как ответ, — конечно, отрицательный.

Вследствие того, что, как я предполагаю, подобный результат мог иметь место исключительно как следствие сомнения в искренности моих заявлений, а также ввиду того, что я исчерпал все возможности сделать эти заявления возможно убедительнее и искреннее — возможности, предоставлявшиеся только письменным изложением и поэтому — крайне слабые, — я прибегаю теперь к последней возможности заставить меня поверить: я изъявляю готовность добровольно ехать в СССР и предать перед судом.

Я это делаю в уверенности, что сомнений или недоверия по отношению ко мне теперь быть не может.

Я прошу разрешения явиться в посольство. И. Бунин.

Я буду ждать ответа по тому же адресу: Avenue de la Republique, Bureau 5, Poste Restante "Liebgott".

Для скептиков, однако, тут есть материал. Эпистола начертана женским почерком, да и подпись "И. Бунин" нехарактерна для классика. Он всегда подписывался "Ив. Бунин". К тому же это были годы, когда Иван Алексеевич еще не успел отыскать от "окаянных дней" (да и можно ли от них отыскать?). Именно в двадцать четвертом году, 16 февраля, в "Географическом зале" он произнес свою страстную речь "Миссия русской литературы", в которой предавал анафеме большевиков, из-за которых "произошло великое падение России". Да и в "Окаянных днях" он со всей силой литературного гения пригвоздил к позорному столбу "кровавого Троцкого" и "сифилитика Ленина".

Но все эти сомнения легко развеиваются. Ни один разумный человек не стал бы напрасно рисковать и составлять такой важный документ собственной рукой. Это могло бы стоить головы. Париж кишел шпионами и предателями. Да и в советских дипломатических учреждениях находились перебежчики. Вспомним таких крупных, как Дмитриевский или Соломон.

Письмо писалось под диктовку Бунина.

Кем? Пока неизвестно, но достаточно заглянуть в регистрационные почтовые книги Парижа и выяснить, кто скрывался под агентурной кличкой Боголюбивый. Кстати, письмо написано очень типичными для деловой переписки Ивана Алексеевича стилем и тоном.

И проклятия в адрес большевиков не могли стать помехой желанию Бунина вернуться на родину: К тому же Бунин был очень неуравновешенным человеком. Как дружно отмечают мемуаристы, сейчас он мог говорить одно, через минуту совершенно противоположное, и каждый раз искренне.

Впрочем, если бы это письмо было не бунинским, так зачем оно десятилетиями хранилось в его досье?

...Так что случилось, почему Бунину не позволили вернуться в 1924 году на родину? Судя по всему, советские вожди не пожелали лишних хлопот и не дали свое "добро". Не забудем, что мировая слава обладала писателя лишь после декабря 1933-го, когда он был увенчан нобелевскими лаврами.

Но шпионские страсти продолжались.

(Здесь уместно поблагодарить за предоставление прежде секретных материалов Бюро по связям с общественностью и средствами массовой информации Службы внешней разведки РФ, Историко-документальный де-

вает слабость к женщинам".

Лучше питать слабость к женщинам, чем быть слабым с женщинами.

Главная "неточность" донесения: Бунин никогда не был "апостолом фашизма". Фашизм он всегда люто ненавидел, особенно после скандала в октябре 1934 года.

Тогда в пограничном местечке Линдау фашистские таможенники явно с издевательской целью затолкали нобелевского лауреата в какой-то сарай, в котором в открытые окна дул пронзительный ветер, сорвали с него одежды, отрывали подкладку, даже пытались отодернуть подошвы ботинок. Бунин стоял босым на каменном полу и пытался возмущаться.

Затем Бунина под проливным дождем таскали куда-то через весь город, в какой-то тюремный дом, где опять обыскивали. Пароход, на котором должен был ехать Бунин, тем временем ушел.

Бунин через прессу устроил крупный международный скандал и с той поры особенно люто возненавидел фашистов.

Автор доносов явно пытается создать у Москвы дурное впечатление о Бунине. Почему? Может, причиной тому зависть или личная обида?

Зададим себе вопрос: кто автор доносов? Служба безопасности деликатно информатора

Забавно, но кроме товарищей большевиков никто о бунинском пьянстве понятия не имел. Вот уж у кого чего болит, тот о том и говорит.

А неустойчивый нобелевский лауреат значительно выбирал: свободная, но голодная жизнь во Франции или... Боязнь роковой ошибки заставляла быть нерешительным.

■ Решение

Тем временем из Москвы от старого друга Бунина писателя Телешова пришло письмо: "Когда вернулся к нам Алексей Толстой, и Курприн, и Скиталец, они чувствовали себя здесь вполне счастливыми. Шаляпина и Рахманинова у нас чтут и память их чествуют. Таково отношение у нас к крупным русским талантам" (11 октября 1945 года).

Очевидно, что Н.Д.Телешов "самодельностью" не занимался, содержание письма было продиктовано спецслужбами.

Бунин отвечал, но тайком, передавая послания через посольство. В Москве забросили золотой крючок, начали готовить толстый сборник рассказов Бунина, но содержание с большевистской бесцеремонностью даже не сочли нужным согласовать с автором. Иван Алексеевич был вне себя от гнева и категорически протестовал. Издание сорвалось.

В июле 1946 года приехал в Париж Константин Симонов, может, самый любимый и на родине, и среди эмигрантов поэт послевоенных лет. Ему было дано задание: "Подтолкнуть душевно Бунина к возвращению". У них было восемь теплых встреч: за водочкой-сеledочкой, в согласных беседах. Что сказал Симонов, неизвестно, но после его отъезда Бунин ехать в Россию не захотел, в посольстве бывать перестал.

Последние годы Бунин провел в болезнях и нищете, затравленный эмиграцией: его походы на рю де Гренель не простили. Умер в ночь с 7 на 8 ноября 1953 года.

Но интрига имела потрясающее продолжение.

■ Загадочная бедность

Все, кто посещал вдову писателя — Веру Николаевну, дружно отмечали ее бедственное, нищенское существование. Доходов никаких, да на шее — вечный бунинский нахлебник Ленья Зуров, это исчадие ада для Ивана Алексеевича, на протяжении многих лет подвергавший оскорблениям и унижениям и Веру Николаевну, и самого Ивана Алексеевича.

Но... с бедностью, однако, не все столь очевидно, как казалось.

Благодаря попавшим мне в руки "совершенно секретным" документам выяснилось следующее. К чести кремлевских вождей, они сумели понять важность оставшегося после Бунина архива. Учитывая слабость здоровья Веры Николаевны, а главное — желая переместить архив на родину, вдове было назначено ежемесячное пожизненное пособие — восемьсот инвалютных рублей. Это составляло 1560 долларов США.

Чтобы понять колоссальность этой цифры, надо учесть, что, по мнению таких важных экспертов, как Г.Л.Дешалыт, с той поры доллар девальвировался более чем в шесть раз. (Сумму подсчитайте сами.) Для сравнения скажу, что в те годы новенький "Рено" можно было купить за полторы тысячи баксов.

Вот потрясающий документ из архива Внешней разведки:

Париж, 17 января 1957 года.

Советскому правительству от В.Н.Буниной

Настоящим письмом считаю необходимо обратит ваше внимание на следующее:

После того, как представители Советского посольства во Франции установили со мной контакт и договорились в принципе о постепенной передаче мною архива Ивана Алексеевича Бунина, мне была установлена ежемесячная пенсия с января 1956 года в размере 800 рублей, что составляет по нынешнему курсу 70000 французских франков

За этот год стоимость жизни во Франции очень возросла. И этой суммы мне хватает только на покрытие расходов первой необходимости. А между тем мое здоровье за этот год ухудшилось, приходится часто обращаться к врачам из-за декарсификации позвоночника, приобретенной в годы неоедания во время последней войны. Кроме того, обнаружилась катаракт обоих глаз и грозит операция. Медицинское обслуживание и лекарства дороги, социальным страхованием пользоваться я не имею права, и часто мне приходится обходиться без них.

Помимо этого к моменту установления пенсии у меня оставались долги, сделанные во время тяжелой болезни Ивана Алексеевича, которые я и до сих пор до конца не могла выплатить...

И так далее. В конце письма:

Беру на себя смелость просить Советское правительство оказать мне единственную помощь в счет гонорара от последнего издания избранных произведений (в СССР. — В. Л.) И.А.Бунина... С уважением, В. Бунина.

Министерство финансов СССР просьбу сию сочло неприличной и в деньгах отказало. Впрочем, Вера Николаевна хотя и передавала некоторые материалы из архива мужа, но это отнюдь не был бурный поток. Без сомнения, главным тормозом и контролером был Зуров. И он же, уверен я в том, был главным виновником той бедности, в которой продолжала жить Вера Николаевна. Куда он девал деньги? Может, в карты проигрывал, может, сдавал в общак французской компартии, с которой, по утверждению Бунина, он связался после войны.

На женщин, во всяком случае, не тратился, ибо в первую мировую был так неудачно ранен, что ни семьи, ни женщин иметь не мог. Этот злой гений семьи Буниных незадолго до своей смерти осенью 1971 года за какой-то интерес уступил весь архив Ивана Алексеевича и Веры Николаевны доценту университета в Эдинбурге Милицину Грин. Так рукописные сокровища и мемориальные ценности сбились с курса, не попали на родину.

В конце октября в издательстве "Букмэн" выходит первое полное издание исторического романа Валентина Лаврова "Катастрофа". Это увлекательная книга о бурных и трагических событиях двадцатого века. Из нее вы узнаете много нового о великом Ив. Бунине.

*Ул. Республики, бюро 5, до востребования "боголюбовому" (фр., немецкий).

Три десятка лет

отдал я изучению

эмигрантского

периода жизни

И.А.Бунина. Написал

о нем два историче-

ских романа ("Холод-

ная осень" и "Катаст-

рофа") и сделал бо-

лее сорока публика-

ций в периодике. Ка-

залось, вот жизнь ве-

ликого писателя —

как на ладони, из-

вестна день за днем.

Но в канун 126-

летия Бунина (родил-

ся в Воронеже 10/22

октября 1870 года)

мне в руки попали

сенсационные доку-

менты. Они снабжены

грифами "Архив

внешней политики

Российской Федера-

ции", "Совершенно

секретно". Теперь

мы можем заглянуть

в такие тайники, что

дух замирает...

Валентин ЛАВРОВ

НКВД С.С.С.Р.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

ДЕЛО №...

СЕКРЕТНЫЙ ИВ. БУНИН

Сенсация из недр Лубянки

партамент Министерства иностранных дел России, а также исследователя Д.Е.Черниговского.)

■ Под "коллаком"

Еще в "Катастрофе" я писал о том, что Бунин и каждый его шаг находились под пристальным вниманием разведок — слишком крупной звездой он был на эмигрантском небосводе.

В известное учреждение на Лубянской площади на писателя регулярно поступали донесения. Информатор в деталях владел обстановкой. Ему было известно, что есть и пьет Бунин, с кем спит и что говорит, на какие средства живет и кого в доме угощает.

Вот одно из таких донесений. Информатор 24 июля 1937 года в деталях пишет о материальном положении Бунина и с непонятной целью значительно это положение приукрашивает. Сообщает, что Бунина навещают композитор Рахманинов, журналист Яков Полонский с женой и сыном, писатели Шмелев и Алданов, Борис Зайцев с супругой, чета Мережковских, Надежда Тэффи.

Далее: "В доме Бунина с осени живет писатель Зуров, а с двадцать седьмого года поселилась Галина Кузнецова, поэтесса и любовница Ивана Алексеевича".

Осведомитель в подробностях и даже с аппетитом описывает болезненную реакцию эмигрантской "общественности", которую вызвало это событие.

Автор донесения не может удержаться в рамках объективности. Явно эксплуатируя свою фантазию, он сообщает про некий "самогипноз" Ивана Алексеевича, который "столь крепко", что "раз начата роль "апостола фашизма" глубоко вошла в бунинскую натуру, что "нет силы, способной заставить Бунина честно пересмотреть свое отношение к Союзу. Он для этого недостаточно серьезен. Его стихия — пожить властью, покрасоваться, поест, побегать за хорошенькой девчонкой, а денег до конца жизни должно хватить".

И далее: "Бунин крепко и здоров. Может много выпить, хорошо разбирается в винах, находчив, остроумен, питает слабость к английским вещам... В последнее время испыты-

не сдала. Но догадаться, полагаю, не сложно. Почему в полном перечне лиц, посещающих Бунина, не назван писатель Рошин-Федоров (1896—1956)? Вера Николаевна в письме брату писала 12 сентября 1934 года про Рошина: "Семь раз приезжал и живал и по полгуду". Потому и не назван, что сам, на мой взгляд, стучал.

■ Старик ругался и пил

По окончании второй мировой войны Бунин был очень близок к тому, чтобы вернуться на родину. С этой целью в ноябре 1945 года впервые нанес визит послу СССР Богомолову в Париже.

По окончании встречи посол сделал запись в журнал:

В 17 ч. ко мне пришел писатель И. Бунин. Ему уже 75 лет, но он держится бодро. Беседа шла в духе обычного "светского" разговора и никаких деликатных вопросов не затрагивала. На беседе присутствовал Гузовский, которого я попросил сообщить об этой беседе в Москву. (А.Гузовский — старший советник посольства. — В. Л.)

Мои впечатления о Бунине пока еще очень поверхностны. Старик полон всяческих воспоминаний, мелочей, привычек и т. д. Он любит выпить, крепко ругается и богемствует в среде своей писательской братии.

У меня на приеме старик держался, как и полагается на приеме у посла, немножко рисуюсь и кокетничая. Приглашу его к себе завтракать, он человек интересный.

И Бунин застал на рю де Гренель, в советское посольство. Для этого требовалось большое мужество: очень многим в эмигрантском мире это претило.

...Тем временем в Москве досье на Бунина пухло от донесений. Заведующий первым Европейским отделом Наркомата иностранных дел Козырев отправил в Отдел внешней разведки характеристику:

По сообщению т. Богомолова, писатель Бунин стар и весьма неустойчив по характеру (он много пьет). Политическое настроение Бунина также неустойчиво. То он хочет ехать в СССР, то начинает болтать антисоветский вздор. Богомолов пока ничего четкого не может сообщить.